

География рождаемости в России *

Над темой номера работали

Алла
ТЫНДИК[1]

Светлана
БИРЮКОВА[2]

От общего - к частному

Российская Федерация весьма неоднородна по своему демографическому развитию. Каждый раз, анализируя «Россию в целом», невольно ловишь себя на мысли, что измеряешь ту самую «среднюю температуру по больнице». Например, суммарный коэффициент рождаемости в 2013 году варьировался по стране от 3,42 до 1,23 ребенка на одну женщину (регионы угадать несложно, это республика Тыва и Ленинградская область соответственно). А с учетом населенного пункта разброс становится еще больше — от 6,43 до 1,04 (не включая сельское население г. Москвы). От региона к региону различается интенсивность деторождения, возрастная структура населения и возраст, в котором женщины вступают в брак и заводят детей. Рождаемость реальных поколений в России давно стабилизировалась на уровне ниже простого воспроизводства населения, а ключевой тенденцией последних лет стало быстрое постарение родительства. Оно идет в русле перестройки всего календаря жизненных событий современного человека. В итоге, трансформация жизненного пути индивида сейчас имеет для социально-экономического развития территорий не меньшее значение, чем изменение режима воспроизводства населения. Все эти процессы в разных регионах страны протекают с разной интенсивностью.

Оперативные данные Росстата за январь-декабрь 2014 года показывают незначительный естественный прирост (33,7 тысячи человек или 0,2 на 1000 человек населения). Вместе с тем показатели естественного прироста (убыли) крайне неравномерно распределены по территории страны (рис. 1). Вся Центральная Россия, а также многие регионы из других федеральных округов в 2014 году испытывали естественную убыль населения. Сильнее всего эти тенденции проявились в Псковской (-7,6‰), Тульской (-7,1‰), Тверской (-6,6‰), Тамбовской (-6,5‰), Ленинградской (-5,5‰), Новгородской (-5,5‰), Орловской (-5,4‰), Владимирской (-5,3‰), Смоленской (-5,3‰), Ивановской (-5,2‰), Рязанской (-5,1‰) и Брянской (-5,0‰) областях. Все они также являются лидерами по старению населения и «донорами» двух крупнейших агломераций, Москвы и Санкт-Петербурга. Молодое и трудоспособное население покидает эти регионы, лишая их новых поколений и усиливая эффект старения. Наибольший прирост населения был отмечен в молодых по возрастной структуре регионах: Чеченской республике (19,2‰), республиках Ингушетия (17,2‰), Тыва (14,4‰) и Дагестан (13,5‰), в Ямало-Ненецком (11,8‰) и Ханты-Мансийском (10,9‰) автономных округах и других субъектах. В последних двух регионах высокие значения ОКР складываются в результате молодой возрастной структуры населения, поддерживаемой в результате миграции - притока молодежи и оттока пожилых людей.

Рисунок 1. Естественный прирост (убыль) за январь-декабрь 2014 года, ‰

Источник: оперативная информация Росстата, январь-декабрь 2014

Вопросы старения населения едва ли станут хоть сколько-нибудь менее актуальными в нашей стране в скорой перспективе. В настоящее время с российского рынка труда постепенно выходят многочисленные когорты послевоенного бэби-бума. Все поколения, приходящие им на смену, не восполняют численность родительских. Этот процесс, как уже было отмечено выше, усугубляется неравномерным распределением населения по территории страны и центростремительным направлением миграционных потоков. Например, данные Всероссийской переписи 2010 года показали, что более 3,25 млн жителей столицы являются мигрантами из других регионов России в первом поколении (по месту рождения). В то же время общее число жителей страны, родившихся в Москве и проживающих постоянно на территории других регионов, оказывается лишь немногим больше 600 тысяч человек (а из них более 350 тысяч переехало в Московскую область). Несбалансированность внутрироссийских миграционных потоков такого рода хорошо видна на интерактивной карте внутренней миграции[3]. На рис. 2 представлены совокупные потоки в Москву уроженцев других регионов. Приведенные данные показывают, что столичная агломерация является мощным центром притяжения для всех, даже наиболее удаленных от центральной части страны, регионов. Межрегиональная миграция, драйвером которой являются диспропорции рынка труда с точки зрения рабочих мест и уровня заработных плат, приводит к тому, что одни регионы получают молодое трудоспособное население, а другие его теряют, а вместе с ним теряют и потенциальные рождения.

Рисунок 2. Входящие миграционные потоки в Москву (по данным о месте рождения жителей, 2010 г.)

Источник: интерактивная карта внутренней миграции <http://mneti.org/Question/16>

Внимание демографов к региональному аспекту вызвано не только исследовательскими задачами, но и тем, что в последние годы центр тяжести в разработке и реализации демографической политики постепенно переносится в регионы. В частности, наблюдается «регионализация» политического курса стимулирования рождаемости. Введен региональный материнский капитал, на уровень субъектов полностью передано администрирование ежемесячной денежной выплаты для детей, назначаемой нуждающимся семьям при рождении третьего или последующего ребенка до достижения ими возраста трех лет. На региональном уровне сохраняется пособие детям из бедных семей, устанавливаются величины основных выплат замещающим семьям (родителям).

В рамках этого небольшого исследования мы рассматриваем ключевые характеристики рождаемости через призму региона проживания (по данным текущего учета), а также в разрезе соотношения региона проживания с регионом рождения (на данных переписи населения). Отсутствие специализированных обследований в этой области обуславливает разрозненный характер информационной базы. Наша работа носит эмпирический характер, она призвана усилить внимание экспертного сообщества к тенденциям регионального неравенства демографического развития в России. Во второй части статьи мы также затрагиваем вопросы влияния внутристрановых и — немного — международных миграционных процессов на итоговые показатели рождаемости, поднимая крайне интересную и актуальную, но еще очень мало изученную в современной России тему.

Что надо учитывать при анализе рождаемости

Уровни рождаемости и смертности непосредственно влияют на численность и возрастно-половую структуру населения. Они не меняются одномоментно, и демографическое развитие сегодняшнего дня как никакое другое зависит от дня вчерашнего. Структура населения, в свою очередь, отражает его репродуктивный и трудовой потенциал, спрос на социальное обеспечение и услуги здравоохранения. От состава населения младших возрастов зависит уровень замещения поколений работающего населения. В настоящее время соотношение численности населения трудоспособного и нетрудоспособного возрастов меняется таким образом, что демографическая нагрузка на трудоспособное население растет, и происходит это неравномерно по территории страны.

Средний возраст населения России увеличился с 34,7 года в 1989 году до 37,7 года в 2002 году и до 39 лет в 2010 году. Доля лиц в возрасте старше трудоспособного увеличилась с 18,5% в 1989 году до 20,5% в 2002 году и 22,2% в 2010 году и будет повышаться и в дальнейшем. Сильнее всего постарело население Центральной России — в ней доля пожилых уже сейчас приближается к 30%. Меньше всего пожилого населения в ХМАО, ЯНАО, республике Тыва и ряде субъектов СКФО. На страновом уровне миграция, как правило, лишь незначительно замедляет процессы старения населения. В качестве примера можно привести прогнозные оценки возрастной структуры населения Соединенных Штатов Америки. Оценки различались учитываемым уровнем миграции — первый прогноз предполагал стабильный приток на уровне 820 тысяч человек в год (с текущей возрастной структурой мигрантов), а второй держал его на нулевом уровне. При прочих равных, доля лиц старше 65 лет к 2050 году составила 20% по первому прогнозу и 22% по второму[4].

По состоянию на 2013 год ниже всего доля населения трудоспособного (и репродуктивного) возраста была в центральной части России: во всех регионах, за исключением Москвы, Московской области и регионов к западу от них (рис. 3).

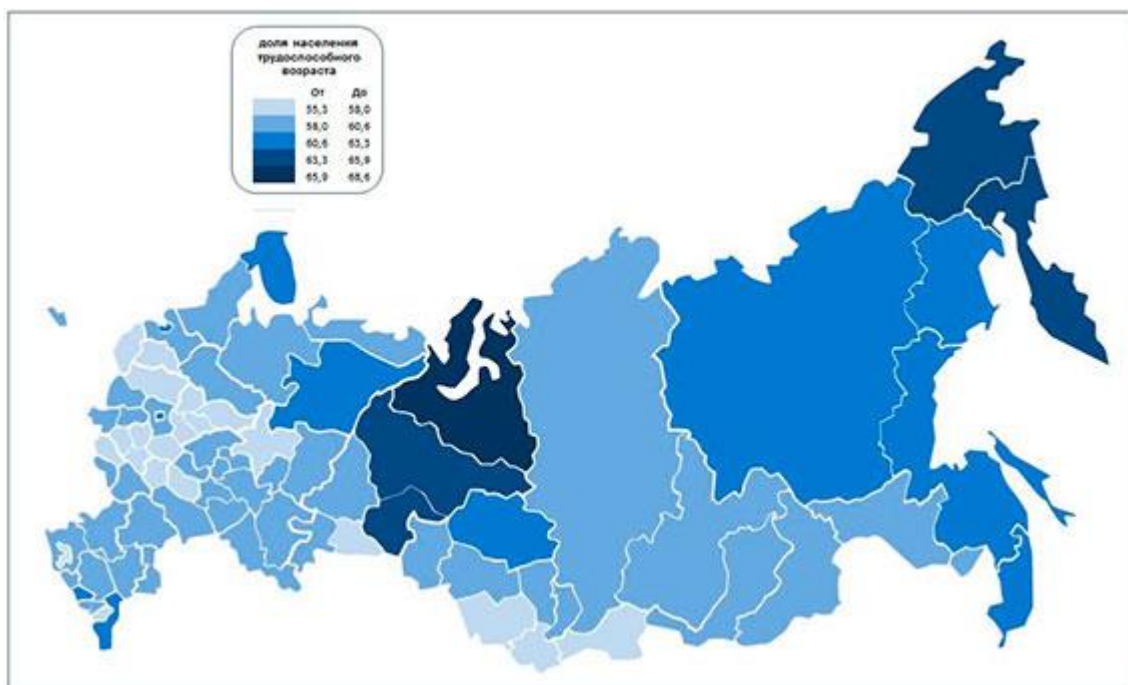

Рисунок 3. Доля населения в трудоспособном возрасте в регионах России, 2013 год, %

Источник: Демографический ежегодник России, 2014. Данные 2013 года, без Крымского ФО.

Не удивительно, что эти же регионы отличаются самыми низкими общими коэффициентами рождаемости. Последние не отражают интенсивности процесса деторождения в населении и сильно зависят от его текущей возрастной структуры. В более молодых регионах СКФО, Сибири и Дальнего Востока выше и общие коэффициенты рождаемости. Тем не менее, эти грубые показатели дают представление о численности новых поколений в сравнении с нынешними, а также о дальнейшем спросе на разнообразные социальные блага — на детские дошкольные учреждения, материнский капитал, услуги здравоохранения и другие (рис. 4).

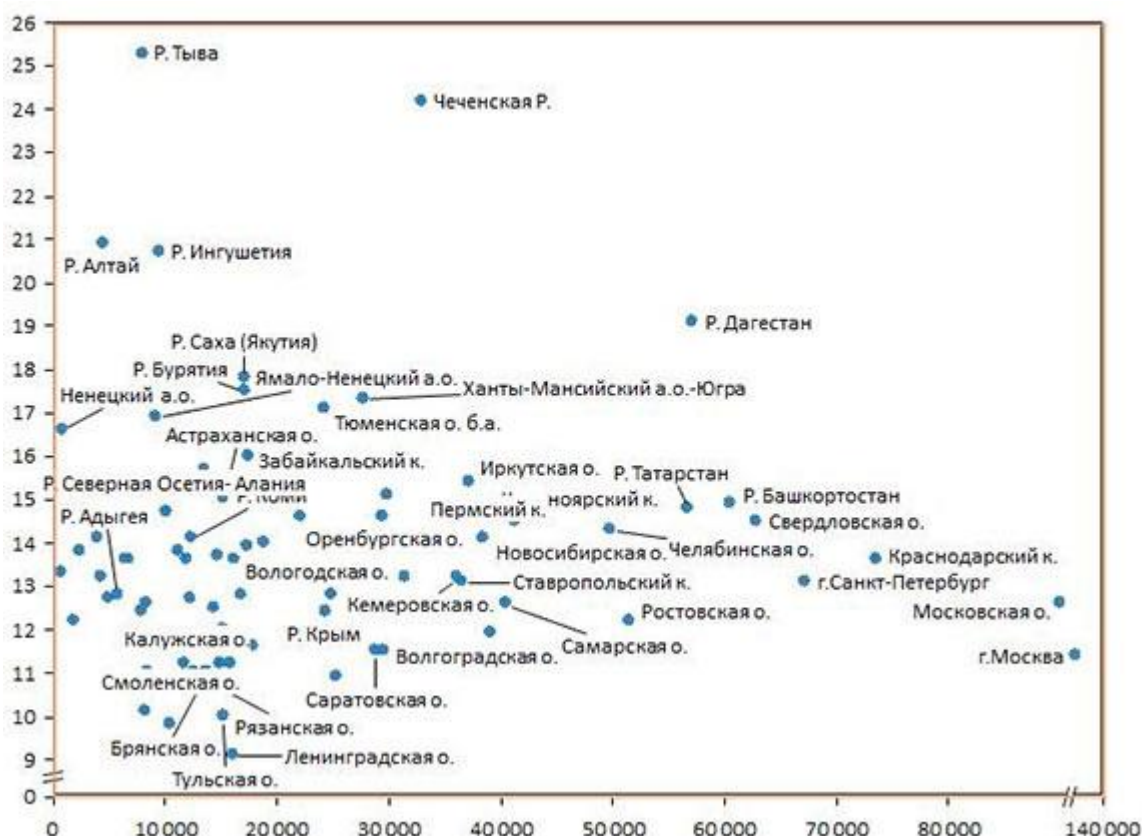

Рисунок 4. Регионы России по числу родившихся живыми и общему коэффициенту рождаемости, 2014 год

Источник: оперативная информация Росстата, январь-декабрь 2014

Закономерно, что наибольшее ежегодное число рождений имеет многомиллионная столица. Докладывая о повышении рождаемости, ее власти отчитываются обо всех рождениях, как о «своих». Однако из данных записей о рождениях в ЗАГСх мы знаем, что постоянную московскую регистрацию имеет лишь чуть более 70% матерей столичных новорожденных. Следовательно, примерно 25% ежегодного числа рождений приходится на приезжих (например, в 2013 году это было до 35 тысяч рождений). Это влияет на московские социальные системы, в частности, демографическая волна последних лет усилила неравенство между коренными и приезжими в борьбе за детские сады. В 2010-2012 годах это было не столь заметно – старшие группы оканчивали менее многочисленные поколения детей. Но к 2013 году очередь трехлеток у дверей московских детских садов заголосила так, что они а) закрыли все ясельные группы и б) заколотили черные ходы для тех, у кого нет постоянной московской регистрации. И сейчас в Москве масштабы неудовлетворенного спроса со стороны внутренних мигранток с маленькими детьми на услуги по уходу и воспитанию стали поистине велики.

Коэффициент суммарной рождаемости варьируется как по регионам России, так и по типам населенного пункта (рис. 5). В период с начала 1990-х годов до 2005 года разрыв между рождаемостью в сельской и в городской местности сократился с 0,9 до 0,37 ребенка в среднем на 1 женщину. Однако с 2006 рождаемость в сельской местности росла опережающими темпами, особенно сильно — после 2010 года. В 2013 году разрыв между селом и городом по показателю КСР составил уже 0,71 ребенка в среднем на одну женщину. В регионах, где уровень урбанизации остается относительно низким, разница в уровнях рождаемости по типу местности либо наиболее

высока (республики Алтай и Тыва), либо, наоборот, отсутствует за счет высокой рождаемости в городе (Чеченская республика и республика Ингушетия).

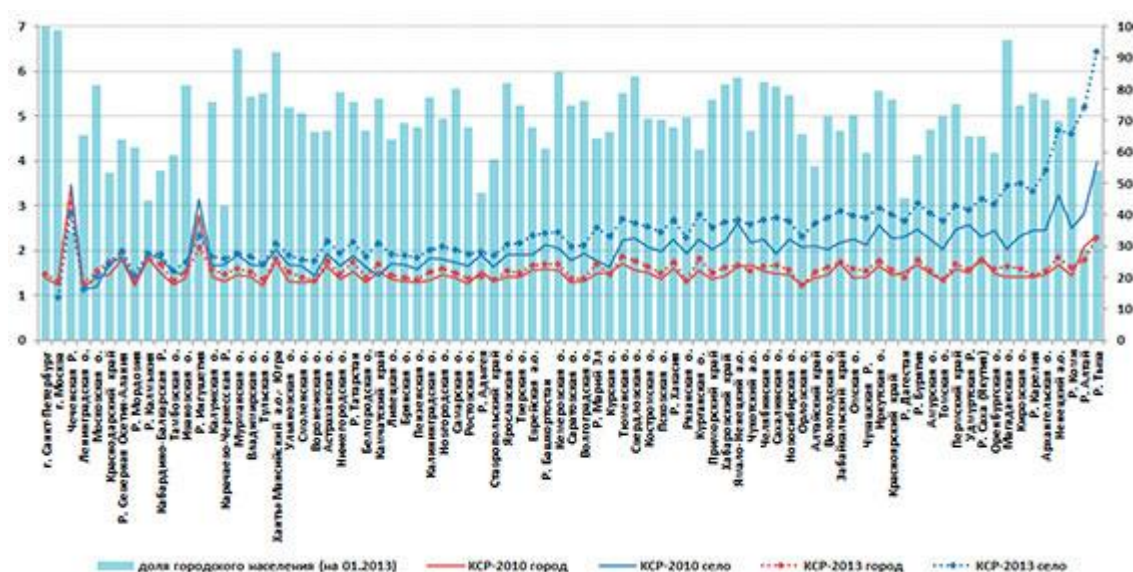

Рисунок 5. Коэффициент суммарной рождаемости по регионам России, городу и селу, 2010 и 2013 годы, и доля городского населения в регионе на начало 2013 года (правая шкала, %)

Источник: Демографический ежегодник России (2012 и 2014)

Коэффициент суммарной рождаемости не подвержен влиянию численности поколения матерей, однако и он имеет ряд недостатков. Они связаны с самой концепцией *условного поколения*, под которым понимается совокупность людей, на протяжении жизни которой интенсивность демографических процессов в каждом возрасте соответствует существующей в данный календарный период. Очевидно, что как только календарь событий в жизни нового поколения меняется по сравнению с предыдущим, этот показатель теряет свою достоверность. Именно эти процессы происходят последние десятилетия во многих странах мира, и оттого КСР условного поколения значительно и систематически расходится с когортным показателем итоговой рождаемости^[5]. В одни периоды он может занижать уровень рождаемости (при массовом повышении возраста материнства), в другие — завышать. Последнее возможно при сокращении интервалов между рождениями, например вследствие краткосрочных стимулирующих мер.

Вероятно, рост различий в коэффициенте суммарной рождаемости между городом и селом за последние годы обусловлен именно этим фактором. Если предположить, что сельское население отреагировало на введение материальных мер поддержки деторождения более существенным сокращением интервалов между рождением первых и вторых, а также вторых и третьих детей по сравнению с городским населением, то наблюдаемое увеличение разрыва в суммарных коэффициентах рождаемости будет временным эффектом.

Возраст матери при рождении ребенка: восток-запад

Как было отмечено, существенные различия между российскими регионами лежат в том, что касается возрастного профиля рождаемости. Формат настоящей статьи не позволяет использовать интерактивную графику, поэтому мы ограничимся представлением нескольких, отличных друг от друга, регионов России. Нами были отобраны четыре субъекта РФ (рис. 6, а-г):

- г. Москва (поздняя и низкая рождаемость, высокая численность населения);
- Новгородская область (низкая рождаемость, возрастной профиль рождений очень близок к среднему по стране, сам регион не крупный, по структуре населения стареющий);
- Забайкальский край (ранняя рождаемость, относительно высокая численность населения региона);
- Ханты-Мансийский АО (крупный регион с высокой рождаемостью, равный вклад молодых матерей и матерей средней возрастной группы).

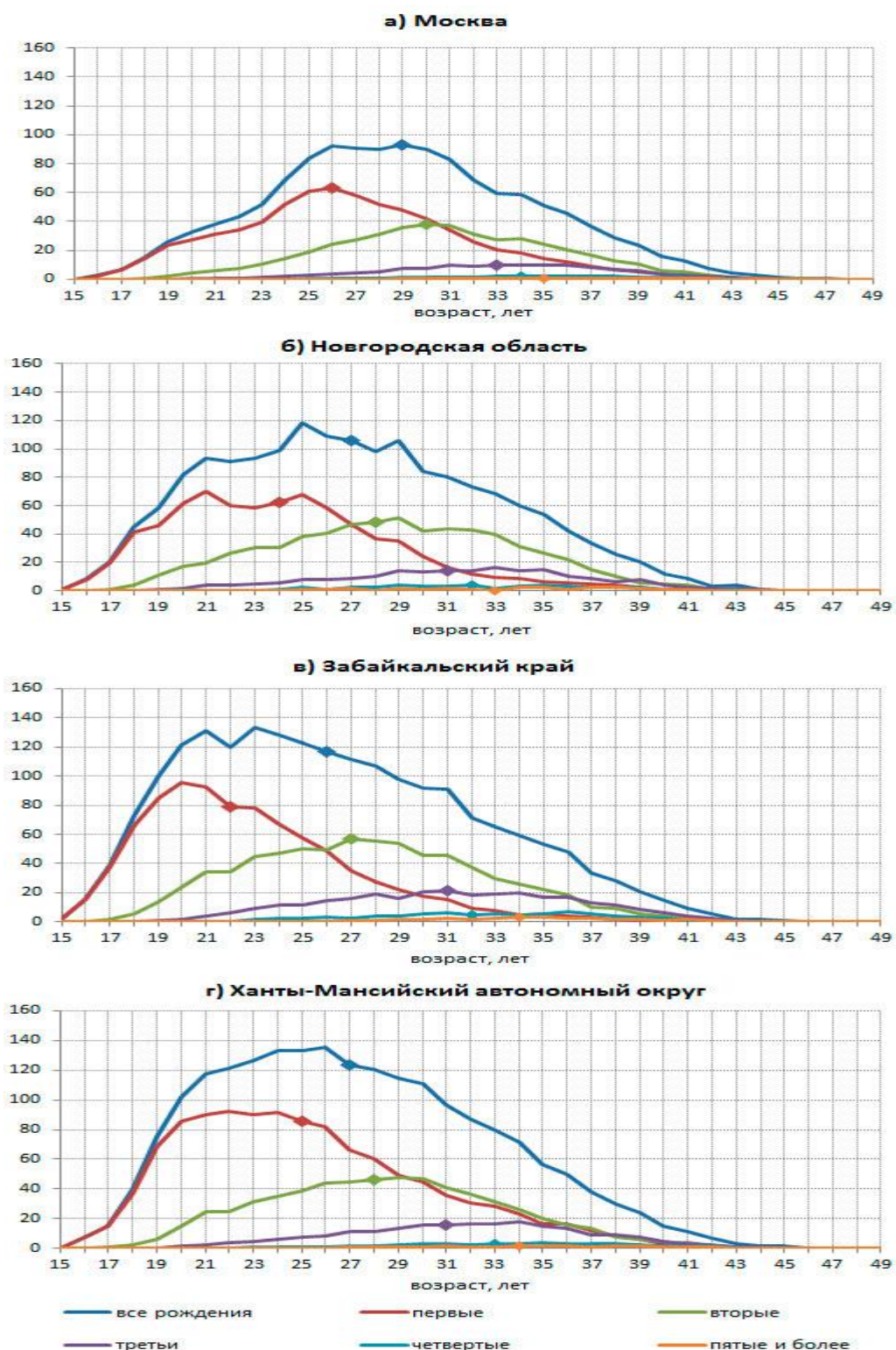

Рисунок 6. Возрастные коэффициенты рождаемости, 2013 год

Источник: расчеты авторов на основе неопубликованных данных Росстата^[6].

Показатели возрастной интенсивности наиболее точно характеризуют рождаемость условного поколения женщин. Стандартное представление графика включает укрупнение до 5-летних интервалов, здесь же мы используем однолетние группы. Они в свою очередь подвержены влиянию деформации данных о возрастной структуре женского контингента и колебаниям в целом. Однако подобная разбивка позволяет увидеть, что в ряде регионов распределения имеют не один, а два пика. Хорошо заметной становится выемка на возрастах 22-23 года на кривой первых рождений. Она наблюдается не первый год и, по-видимому, отражает влияние окончания женщинами высшего образования и их выхода на рынок труда. Маркеры на графиках отмечают средний (округленный) возраст матери при рождении ребенка данной очередности.

Москва представляет отдельный интерес для изучения тенденций в сфере рождаемости, что уже не раз обращало на себя наше внимание^[7]. Возрастной профиль рождаемости в столице значительно отличается от общероссийского. На кривой первых рождений углубление на 22-23 годах еще более заметно, характерный для других регионов выступ на отметке в 20-21 год практически сошел на нет. Пик первых рождений приходится на 26 лет (а средний возраст матери — на 26,4 года), едва проявляется вторая точка роста — на 29 годах. Распределение по вторым рождениям ниже по уровню по сравнению с общероссийским, но лишь немного смещено вправо. Пик вторых рождений концентрируется на 30 годах.

В Новгородской области график возрастных коэффициентов рождаемости по первым детям явно демонстрирует два равноценных пика — в 21 год и в 25 лет. Эти же пики сохраняются и при рассмотрении городского населения. Средний возраст матери при рождении первенца здесь равен 23,8 года, при рождении второго ребенка — 28,3 года. Возрастной профиль рождаемости в Забайкальском крае смещен левее: пик первых рождений приходится на 20 лет, выемка на 22-23 годах совсем невелика. К 25-летнему возрасту интенсивность первых рождений исчерпывается и быстро идет на спад. Средний возраст матери при рождении второго ребенка составляет всего 27,3 года.

Ханты-Мансийский автономный округ интересен высокой рождаемостью в целом и высоким суммарным коэффициентом рождаемости первенцев, в частности. Если в реальных поколениях женщин коэффициент рождаемости первенцев не может превышать единицу, то в условных поколениях подобное превышение свидетельствует о структурных сдвигах в календаре рождений первенцев. В ХМАО данный показатель в 2013 году был равен 1,15, и это могло стать следствием концентрации рождений первенцев у нескольких смежных реальных поколений женщин в одном календарном году. Другими словами, здесь имеет место омоложение рождаемости в отношении первых детей. Возрастной профиль вместо пика первых рождений демонстрирует плато между 20 и 25 годами, средний возраст матери — 24,8 года. Вместе с тем в ХМАО относительно низка суммарная интенсивность вторых рождений (0,61 ребенка, тогда как, например, в Забайкальском крае она составляет 0,73 ребенка). Все приведенные примеры призваны лишь еще раз продемонстрировать, сколь велико внутреннее разнообразие рождаемости в России, даже без учета этнических различий.

Где родились, там и родили?

Переходя в анализе рождаемости с общероссийского на региональный уровень, нельзя оставить в стороне такой важный фактор, как внутренняя миграция. Если масштабы внешней безвозвратной иммиграции не столь высоки, чтобы значимым образом влиять на уровень рождаемости в России, то межрегиональные миграционные потоки значительно сильнее. Согласно переписи населения 2010 года лишь 46,2% населения страны проживали в месте своего постоянного жительства непрерывно с рождения. Особенность последнего этапа внутренней миграции проявилась в начале-середине 1990-х годов, когда в полную силу развернулся ее так называемый «западный дрейф». В ходе него население восточных регионов страны быстро сокращалось за счет его оттока в центральные области, пустыли северные и экономические неблагоприятные регионы. Некоторые возвращались туда, откуда их семьи были вывезены в ходе принудительных советских

переселений, значимую роль играла миграция, связанная с расформированием воинских частей в восточных регионах страны. Весьма интенсивный обмен населением происходил и между соседними регионами, нередко он был почти равным. Большой приток жителей пришелся на крупные региональные центры.

Как сказывается внутренняя межрегиональная миграция на рождаемости? На уровне регионов ее последствия не ограничиваются тем, что одни отдают своих жителей, а другие их принимают. Миграция — удел молодых и активных; возраста миграционной активности, как правило, совпадают с возрастами брачной и репродуктивной активности. Как показывают исследования, первый переезд в жизни меняющих место жительства россиян почти в 90% случаев происходит в возрасте до 30 лет, а наиболее высокие темпы роста вероятности первой миграции наблюдаются в интервале от 16 до 24-25 лет[8]. Наши оценки на основе данных Всероссийской переписи населения 2010 года показывают, что в целом по поколениям 1950-1979 годов рождения среди женщин с детьми, совершивших переезд в пределах страны[9], около 60% родило своего первенца после последнего переезда. Если молодые люди покидают место своего рождения и заводят семьи на новом месте жительства, то они обеспечивают дополнительные рождения в регионах-реципиентах.

Однако и этим не исчерпывается влияние миграции на картину рождаемости. Переезд и необходимость адаптироваться на новом месте жительства в молодых возрастах может оказывать влияние на индивидуальные репродуктивные траектории женщин. Многие обследования фиксируют более низкую итоговую рождаемость женщин-мигрантов по сравнению с аналогичным показателем в регионах их исхода[10]. Несмотря на то, что научное сообщество до сих пор не пришло к консенсусу относительно причины таких различий: связаны ли они с селективностью миграции (к переезду склонны те женщины, которые в меньшей степени ориентированы на рождение детей или, по крайней мере, большого их числа), объясняются ли они ассимиляционными процессами (в пользу этой гипотезы свидетельствует то, что показатели рождаемости мигрантов сближаются с показателями территорий въезда по мере увеличения длительности проживания и смены поколений, меняясь иногда в сторону повышения, а не понижения) или тем, что миграция и рождаемость в принципе являются конкурирующими демографическими событиями, факт остается фактом: миграция на индивидуальном уровне связана с итоговым числом рожденных детей. А кроме этого, она оказывает влияние на время их появления на свет[11] — если, конечно, переезд состоялся не в зрелом возрасте, уже после реализации родительской карьеры.

Как бы ни была интересна связь миграции и репродуктивного поведения на индивидуальном уровне, в фокусе нашего внимания в этой работе будут макростатистические показатели рождаемости. Переписные данные, выложенные на сайте Росстата в дезагрегированном виде, дают возможность провести анализ рождаемости в сочетании с информацией (хотя и неполной) о миграционной биографии женщин. Анализ, разумеется, не такой сложный и методологически выверенный, каким бы мы хотели его видеть: перепись дает нам сведения только об итоговом числе рождений у женщины[12], о месте ее рождения и месте проживания на момент опроса. Сопоставление двух последних характеристик позволяет с рядом оговорок выделить тех женщин, которые имеют опыт переезда в течение жизни[13].

Оговоримся, что, работая с данными переписи об итоговом числе рождений, мы, по сути, не имеем информации о связи времени рождения детей со временем переезда, а также о месте проживания детей внутренних мигранток. Тем не менее, с учетом обсужденных выше соотношений возрастов миграционной и репродуктивной активности, а также с учетом того, что в большинстве случаев несовершеннолетние дети живут вместе с матерью, можно утверждать, что, как правило, они «достаются» региону прибытия. В таком случае сопоставление итоговой рождаемости женщин в разрезе их миграционной истории и, подробнее, траекторий их переездов, может дать более объемное представление о происходящих в области рождаемости процессах.

В рамках данной работы мы проследили изменения в итоговой рождаемости женщин 1950-1979 годов рождения, или, другими словами, в тридцати годичных когортах второй половины XX века, последнее из которых на момент проведения переписи преодолело тридцатилетний рубеж. Таким образом, как видно из рис. 7, в поле нашего зрения попадает снижение рождаемости в поколениях конца 1950-х – начала 1960-х годов. Слева от нанесенной на рисунок вертикальной линии находятся поколения женщин, исчерпавших свою рождаемость к 2010 году. Самым младшим из них в год проведения переписи исполнилось 40 лет, и поэтому мы считаем, что сколько-нибудь существенных изменений в итоговых показателях их рождаемости по сравнению с уже достигнутыми ожидать в этих когортах не стоит.

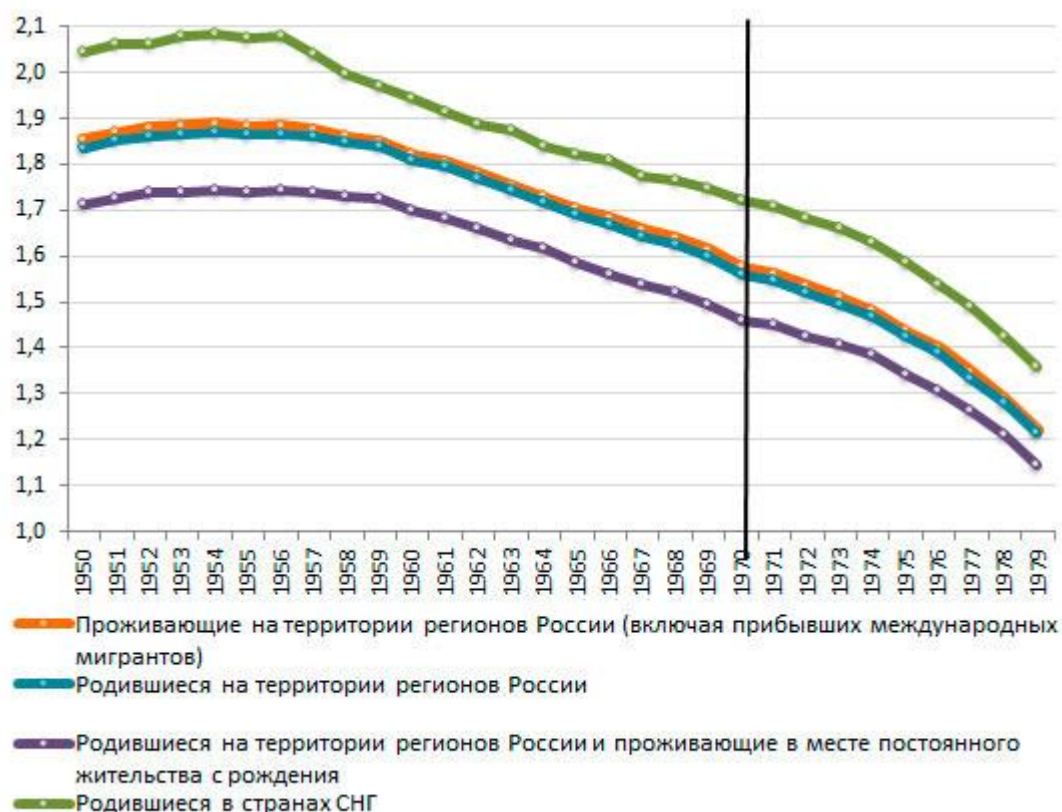

Рисунок 7. Итоговая рождаемость женщин 1950-1979 годов рождения на момент переписи 2010 года, детей на 1 женщину

Источник: расчеты авторов на микроданных Всероссийской переписи населения 2010 г.

Две центральные линии — итоговые уровни рождаемости всех женщин, проживавших на территории России на момент проведения переписи, и тех из них, кто был рожден на территории страны — отличаются на вклад прибывших мигрантов, прежде всего, из стран СНГ [14]. Последние демонстрируют значительно более высокую рождаемость по сравнению с родившимися в России во всех рассматриваемых поколениях: разрыв в когорте 1950 года рождения достигает 0,22 ребенка на одну женщину, затем, в период снижения рождаемости он сокращается до 0,13 ребенка на женщину в когорте 1965 года рождения, после чего снова слегка возрастает. Нужно отметить, что, несмотря на это, вклад мигрантов в итоговый показатель не превосходит 0,02 ребенка на одну женщину ни в одной из рассматриваемых когорт, и показатель этот не увеличивается при переходе от более старых поколений к молодым. Иными словами, пока что данные переписи не дают основания говорить, что мигранты значительно повышают российскую рождаемость.

Интерес представляет последняя, самая низкая кривая на рис. 7. Она соответствует итоговой рождаемости женщин, с момента рождения проживающих в месте своего постоянного жительства и не имеющих никакого опыта миграции. Они демонстрируют существенно более низкие уровни рождаемости в сравнении со средними показателями по родившимся в пределах страны. Этот разрыв, очевидно, компенсируется более высокими показателями рождаемости женщин, переехавших в течение жизни в другой регион. Таким образом, в отношении внутривосприимчивой миграции мы наблюдаем совсем иную картину, чем та, к которой мы привыкли в контексте зарубежных исследований. С чем это может быть связано?

Первое из приходящих на ум объяснений этого явления связано с сельско-городскими особенностями миграционных процессов. Урбанизационный тренд означает, что среди всех россиян, непрерывно проживающих в месте своего рождения, сельские жители будут представлены в меньшей степени. Родившиеся в городах, особенно в крупных, имеют меньше экономических мотивов для миграции и потому реже переезжают. С учетом того, что в городах преобладают более низкие стандарты рождаемости, чем на селе, средние итоговые показатели среди никогда не переезжавших могут оказаться ниже. Однако приводит ли это рассуждение к исчерпывающему ответу?

При разделении на городское и сельское население (на момент переписи) мы получаем похожую картину (рис. 8) — для городских жителей. Частично это отражает характер миграционных потоков из меньших городов в крупные. Население крупных городов одновременно и менее мобильно, и менее склонно к рождению нескольких детей. Вместе с тем, миграция последних десятилетий была тесно связана с возможностями на рынке труда, переезды осуществлялись в регионы с более благоприятной экономической ситуацией. Уроженцы неблагоприятных регионов, не покидавшие их пределов, могли иметь меньше экономических возможностей для реализации своих репродуктивных установок. Наконец, как мы уже говорили, большой вес в структуре внутренней миграции в России на протяжении последних десятилетий имели переезды из села в город. Это наложило отпечаток и на показатели рождаемости. В целом исследования показывают, что миграция из сельской местности в город приводит к снижению уровней итоговой рождаемости женщин. Причин может быть три:

- адаптация мигрантов к репродуктивным нормам территории въезда (как правило, более низким),
- селекция: к миграции в большей степени склонны женщины, менее ориентированные на деторождение,
- конкуренция событий: миграция приводит к откладыванию брака и деторождения или может приводить к разрыву уже сложившихся отношений^[15].

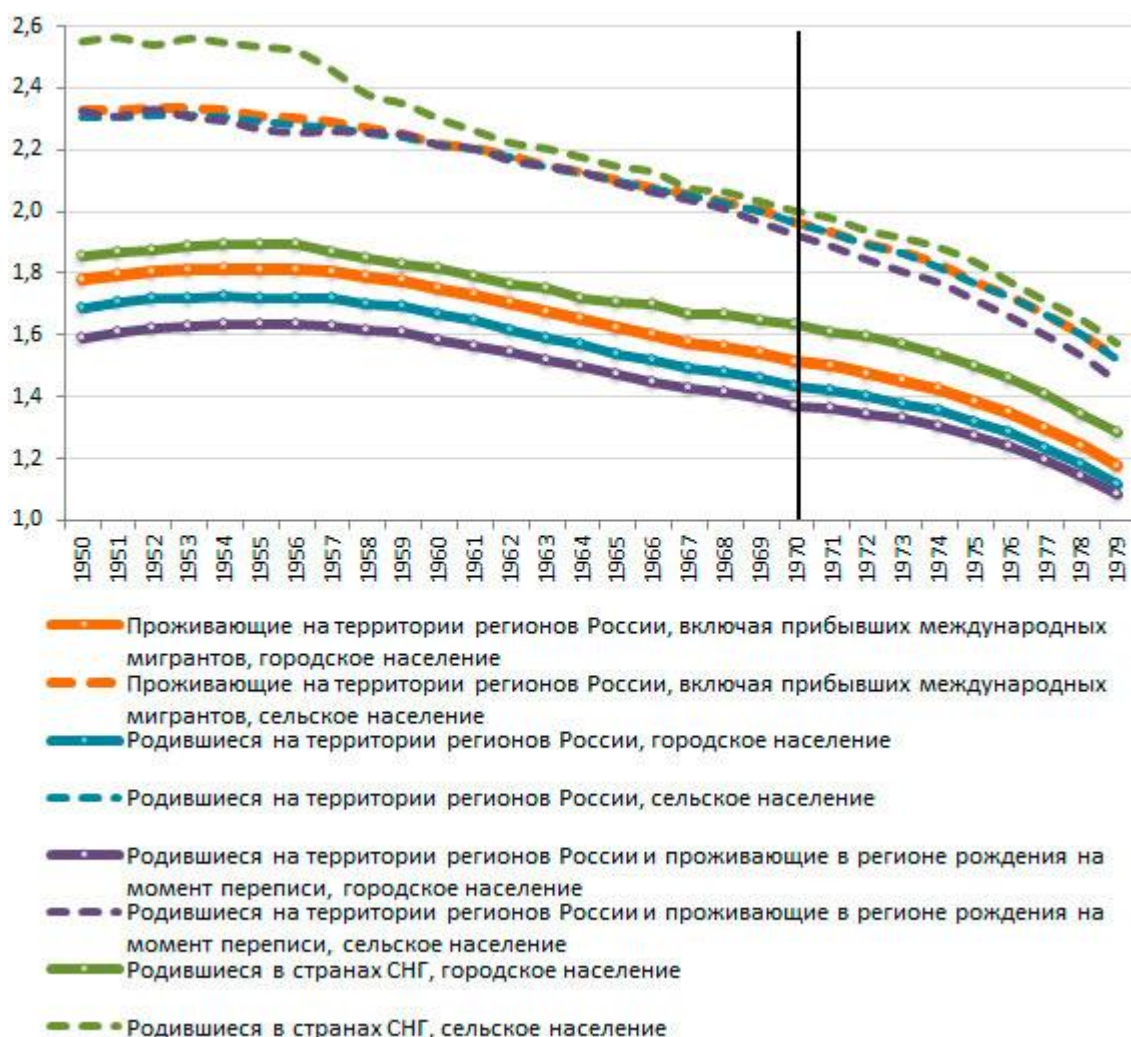

Рисунок 8. Итоговая рождаемость женщин 1950-1979 годов рождения на момент переписи 2010 года, сельское и городское население, детей на 1 женщину

Источник: расчеты авторов на микроданных Всероссийской переписи населения 2010 г.

В странах с относительно низкой контрацептивной культурой миграция из села в город приводит к снижению фактических уровней рождаемости среди переехавших еще и по таким причинам, как: разлука с партнером и длительные периоды раздельного проживания, знакомство с «городскими», более продвинутыми практиками планирования рождаемости[16]. Тем не менее, уровень рождаемости новых горожан остается более высоким по сравнению с рождаемостью тех, кто родился и вырос в городе. Считается, что более высокая рождаемость сельских жителей связана с репродуктивными и — шире — с ценностными установками, которые они воспринимают в период взросления из окружающей социальной среды. В результате, вклад внутренних мигрантов в итоговые показатели рождаемости городского населения (см. разрыв между сплошными фиолетовой и голубой линиями на рис. 8) оказывается положительным. К этим же выводам на основе анализа данных выборочных обследований пришли в своей работе С. Захаров и С. Сурков[17].

Стоит обратить внимание на то, что в абсолютных величинах указанный вклад сокращается при переходе к более поздним поколениям. Если в когорте 1950 года рождения разрыв между ни разу не переезжавшими горожанками и всеми женщинами, проживающими в городах на момент переписи, составлял 0,1 ребенка, то в когорте 1970 года рождения он сократился до 0,06 ребенка, а в когорте 1979 года рождения — до 0,04 ребенка. Можно подумать, что на фоне общего падения итоговой рождаемости в относительном выражении сокращения мы не увидим, однако это не так: в тех же когортах внутренние мигранты обеспечивали 5,4%, 4,1% и 3,2% от итогового числа рождений всех женщин (оранжевая линия). Отметим также, что при переходе к анализу в поселенческом разрезе более явным становится вклад международных мигрантов в городскую рождаемость, эффект от которого до этого смешивался с высокими показателями рождаемости на селе. По величине он сопоставим с рассмотренным только что вкладом внутренних мигрантов и в тех же трех когортах добавляет к итоговому числу рождений 0,09, 0,08 и 0,06 ребенка в расчете на одну женщину соответственно. А вот в относительных терминах их вклад, если не растет, то, по крайней мере, не сокращается. Это хорошо видно из рис. 9: с поколений конца 1960-х годов и до конца 1970-х они обеспечивают более 5% от показателя итоговой рождаемости (итогового числа рождений на одну женщину, ИЧР), и могут дойти до тех же показателей в поколениях, еще не завершивших свой фертильный период. Отметим при этом, что во всех рассматриваемых когортах доля женщин, родившихся в странах СНГ и проживающих на момент переписи в России, колебалась в пределах 7,3-10% (в городе) и 8,4-9,8% (в селе).

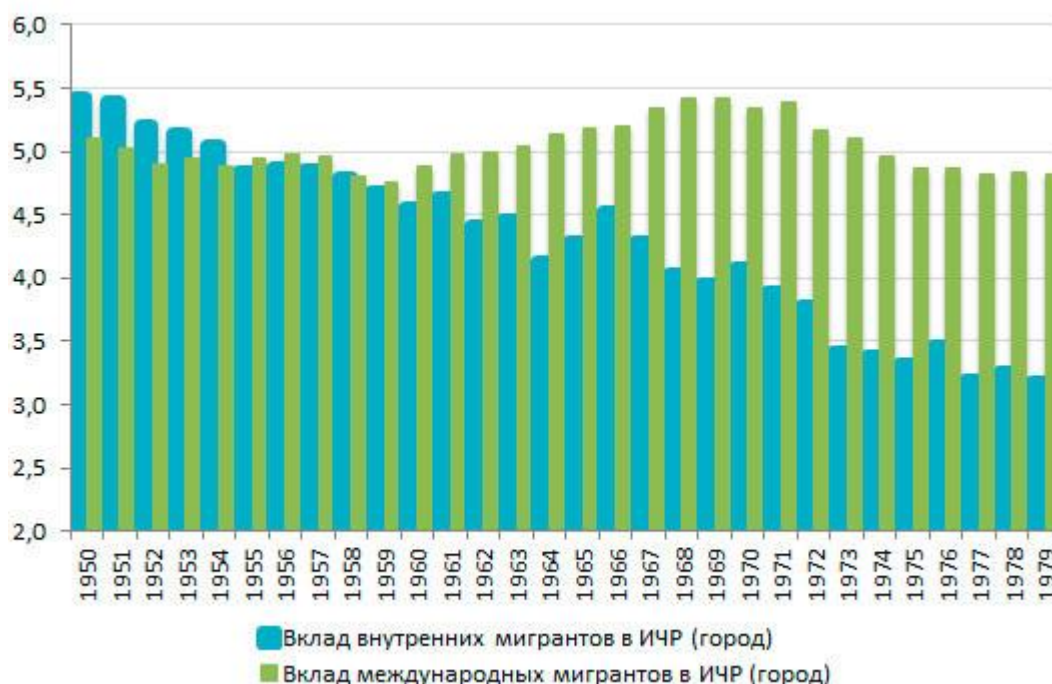

Рисунок 9. Вклад внутренних и международных мигрантов в итоговую рождаемость женщин 1950-1979 годов рождения, городское население, %

Источник: расчеты авторов на микроданных Всероссийской переписи населения 2010 г.

А что происходит в сельской местности? Здесь до поколений середины 1960-х годов рождения не наблюдается практически никакой разницы в итоговой рождаемости всех женщин и женщин, проживающих в месте рождения непрерывно (рис. 8). И вклад международных мигрантов оказывается очень скромным на протяжении всего рассматриваемого периода, за исключением, может быть, поколений 1950-х годов рождения (рис. 10). Очевидно, он сглаживается вследствие

того, что разница в уровнях рождаемости между сельским населением России и странами СНГ не столь высока. Вместе с тем, в самых молодых поколениях сельских жительниц высок вклад внутренних мигрантов в показатели итоговой рождаемости. Сокращение численности сельского населения обостряет ситуацию на местном брачном рынке, поэтому данный эффект мы связываем, в первую очередь, с межсельской миграцией, целью которой выступает формирование семьи. Тот факт, что рождаемость оседлого сельского населения значимо ниже, подтверждает нашу гипотезу.

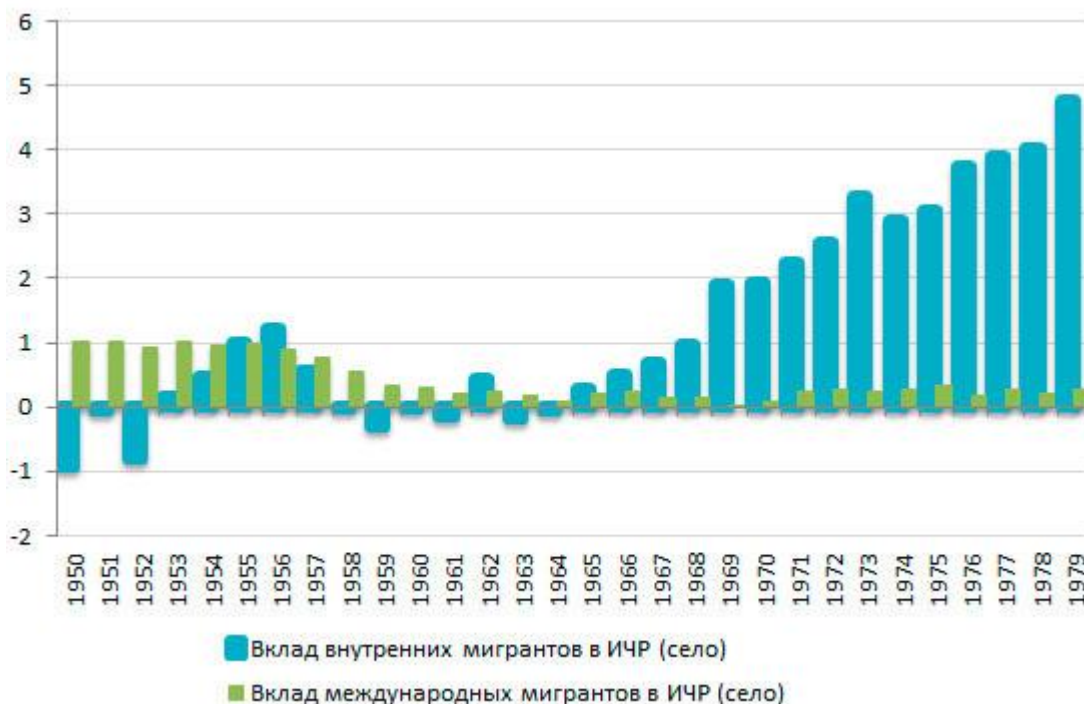

Рисунок 10. Вклад внутренних и международных мигрантов в итоговую рождаемость женщин 1950-1979 годов рождения, сельское население, %

Источник: расчеты авторов на микроданных Всероссийской переписи населения 2010 г.

В сопоставлении можно обратить внимание еще на один интересный факт. В сельской местности в наиболее ранних из рассматриваемых поколений различия в показателях итоговой рождаемости между родившимися на территории России и на территории стран СНГ были выражены ярче по сравнению с городской (ср. голубые и зеленые кривые на рис. 8). Однако уже с начала 1960-х годов ситуация изменилась: в сельской местности разрыв в показателях между двумя этими группами резко сократился. Этого же нельзя сказать о городской местности, где разница в уровнях итоговой рождаемости женщин, родившихся в России и в странах СНГ, в среднем, сохранялась неизменной, а в некоторые годы даже немного увеличивалась. Связано это, вероятно, с тем, что недавние мигранты в большей степени ориентируются на репродуктивные установки отдающих территорий, а во многих странах СНГ показатели рождаемости до сих пор держатся на существенно более высоком по сравнению с Россией уровне, который лежит гораздо ближе к сельскому стандарту российской рождаемости, чем к городскому. По этой причине процесс ассимиляции с точки зрения репродуктивного поведения для этой группы женщин в сельской местности, по-видимому, проходит легче, быстрее.

Взглянем теперь на картину итоговой рождаемости с региональной точки зрения. На рис. 11 и 12 на карты нанесена разница в рождаемости женщин, родившихся в пределах страны в 1950-1979 годах, сгруппированных сначала по региону проживания, а затем по региону рождения. На рис. 11 мы пытаемся сопоставить абсолютные показатели, а на рис. 12 - характеристики интенсивности. Для этого мы вычитаем из общего числа детей, рожденных сложившимся в субъекте женским населением (1), число детей, рожденных уроженками региона (2), и соотносим полученную величину с первым из чисел, чтобы обеспечить сопоставимость региональных показателей. Затем по такому же принципу мы вычисляем итоговое число рождений в расчете на одну женщину в каждом из регионов и анализируем разность полученных значений. Фактически мы работаем с одним и тем же населением, лишь меняя его распределение по территориям. Полученная разность позволит нам понять, как сказались переезды на уровне региональной рождаемости: привел ли «обмен» женским населением к увеличению итоговых чисел рождений и показателей интенсивности, или, наоборот, вызвал их сокращение. При этом мы оцениваем влияние строго внутренних миграционных процессов, исключая из рассмотрения родившихся за пределами России женщин. Красным и розовым цветом на карте обозначена отрицательная величина показателя, которая обозначает потери в рождаемости, светло-голубым — величины около нуля, а более темным синим — положительная разность.

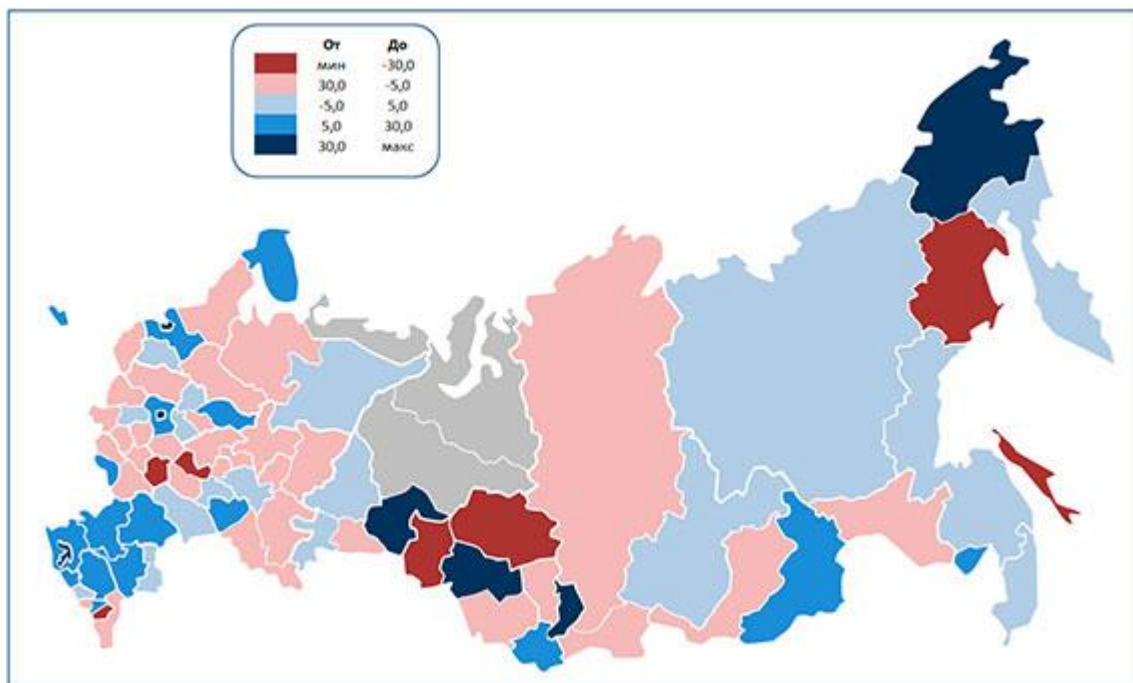

Рисунок 11. Разница в числе рождений у женщин 1950-1979 годов рождения, сгруппированных по региону проживания и региону рождения (только для родившихся в России) в % к общему числу рождений, обеспеченных жительницами региона

Источник: расчеты авторов на микроданных Всероссийской переписи населения 2010 г.

Примечание: серым закрашены регионы, корректно рассчитать показатели которых по данным переписи 2010 года нельзя.

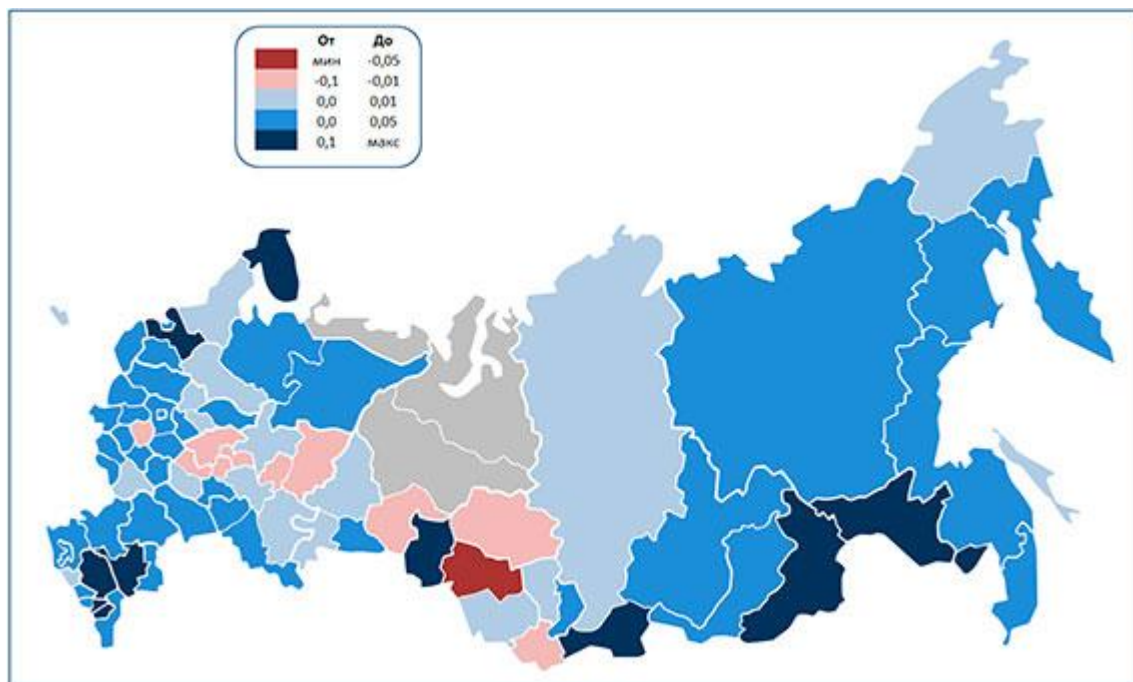

Рисунок 12. Разница в итоговом числе рождений в среднем на одну женщину 1950-1979 годов рождения, сгруппированных по региону проживания и региону рождения (только для родившихся в России)

Источник: расчеты авторов на микроданных Всероссийской переписи населения 2010 г.

Примечание: серым закрашены регионы, корректно рассчитать показатели которых по данным переписи 2010 года нельзя.

На первой из представленных карт среди мощных реципиентов очень четко проявляются Московская и Санкт-Петербургская агломерации. Все регионы вокруг них под влиянием исходящих и входящих миграционных потоков теряют в числе рождений или, в лучшем случае, балансируют около нулевой отметки. Кроме «двух столиц», регионов, получающих дополнительные рождения в таких масштабах рождений не так уж и много, в первую очередь, среди них оказываются Тюменская и Новосибирская области. В благополучных с этой точки зрения условиях оказываются также регионы юго-западной части страны.

Если перейти к относительным показателям, то в отношении большинства регионов будет справедливо сказать, что внутренняя миграция накладывает небольшой отпечаток на уровень итоговой рождаемости (но не на численность новых поколений!). Почти во всех регионах рассчитанный нами вклад оказывается положительным, но не выходит за пределы величины в 0,05 ребенка в расчете на одну женщину. При этом, сопоставляя раскраску регионов на двух картах, можно прийти к выводу, что миграционные перемещения иногда оказывают противоположное воздействие на число детей, родившихся на исследуемой территории, и на показатели интенсивности рождаемости. Почему так получается? Потому что итоговая рождаемость проживающих на территории субъекта женщин может, скажем, возрасти в двух ситуациях: если в него приезжают женщины с относительно высокой рождаемостью или же если его покидают женщины с относительно низкой. По этой причине, в частности, рост интенсивности показателей рождаемости нельзя всегда интерпретировать как позитивную динамику — иногда дополнение общей картины деталями миграционных процессов может полностью ее изменить.

В отношении внутренних миграций есть еще один параметр — дальность переезда. Какой эффект имеет она (табл. 1)? Женщины, переехавшие в пределах своего федерального округа, демонстрируют более высокую итоговую рождаемость по сравнению с теми, кто проживает в месте рождения. Однако выехавшие за пределы федерального округа по уровню итоговой рождаемости оказываются посередине. Вероятно, сказывается влияние проблемы адаптации — переезды на дальнее расстояние в большинстве случаев означают переезд в одну из двух столиц. Интенсивная занятость, недоступное жилье и другие факторы накладывают свой отпечаток. Обмен населением между соседними регионами в последние десятилетия был немаленьким, и для внутренних мигрантов этого типа проблемы адаптации должны стоять менее остро. Учитывая, что переезды имеют целью поиск более благоприятных условий для жизни, можно сделать вывод о том, что сменившие место жительства на соседний регион оказываются в наилучшем положении для формирования семей. О положительной роли внутренней миграции (прежде всего, как было сказано выше, перемещений между сельскими поселениями) в решении матримониальных проблем свидетельствуют и результаты исследования, проведенного на данных выборочных обследований в 2009 году[18]. Еще одним объяснением может быть склонность семей переезжать в пригород ради более просторного жилья, такие переезды совершаются внутри региона.

Таблица 1. Итоговая рождаемость у женщин 1950-1979 годов рождения с разной миграционной историей в разрезе федеральных округов

Федеральные округа	Итоговое число рождений у женщин:		
	всю жизнь непрерывно проживающих в месте рождения	переехавших в пределах федерального округа	переехавших за пределы федерального округа
Центральный	1,37	1,57	1,68
Северо-Западный	1,37	1,67	1,63
Приволжский	1,53	1,84	1,73
Уральский	1,57	1,83	1,74
Сибирский	1,61	1,90	1,73
Дальневосточный	1,61	1,86	1,65
Южный	1,55	1,77	1,67
Северо-Кавказский	2,14	2,35	1,89
Россия в целом	1,53	1,79	1,71

Источник: расчеты авторов на микроданных Всероссийской переписи населения 2010 г.

В Москву, в Москву, в Москву!

Москва представляет отдельный интерес для изучения рождаемости и миграции. Она не теряет своей миграционной привлекательности. В 2000 году официальная численность населения столицы составляла 10 млн человек, в 2013 году — 12 млн человек. Приезжие не только с лихвой компенсировали естественную убыль населения (около 350 тысяч человек за этот период), но и омолодили его.

На рис. 13 представлено распределение проживающих в Москве женщин по числу рождений и по поколениям. Заливкой обозначены женщины, родившиеся в Москве и проживающие в ней с рождения до момента переписи, а линиями — женщины, приехавшие в Москву (родившиеся в другом населенном пункте или в течение жизни уезжавшие на постоянное место жительства в другое место). Хорошо видно, что, начиная с середины 1960-х годов, приехавшие женщины начинают отставать по уровням бездетности, и разрыв увеличивается по мере перехода к более

молодым когортам. Кроме этого, во всех рассматриваемых поколениях женщин приехавшие демонстрируют более низкую долю однодетных женщин, причем не только за счет распространенности двухдетной модели, но и за счет более высокой распространенности многодетности, значимость которой, впрочем, сокращается к 1970-м годам.

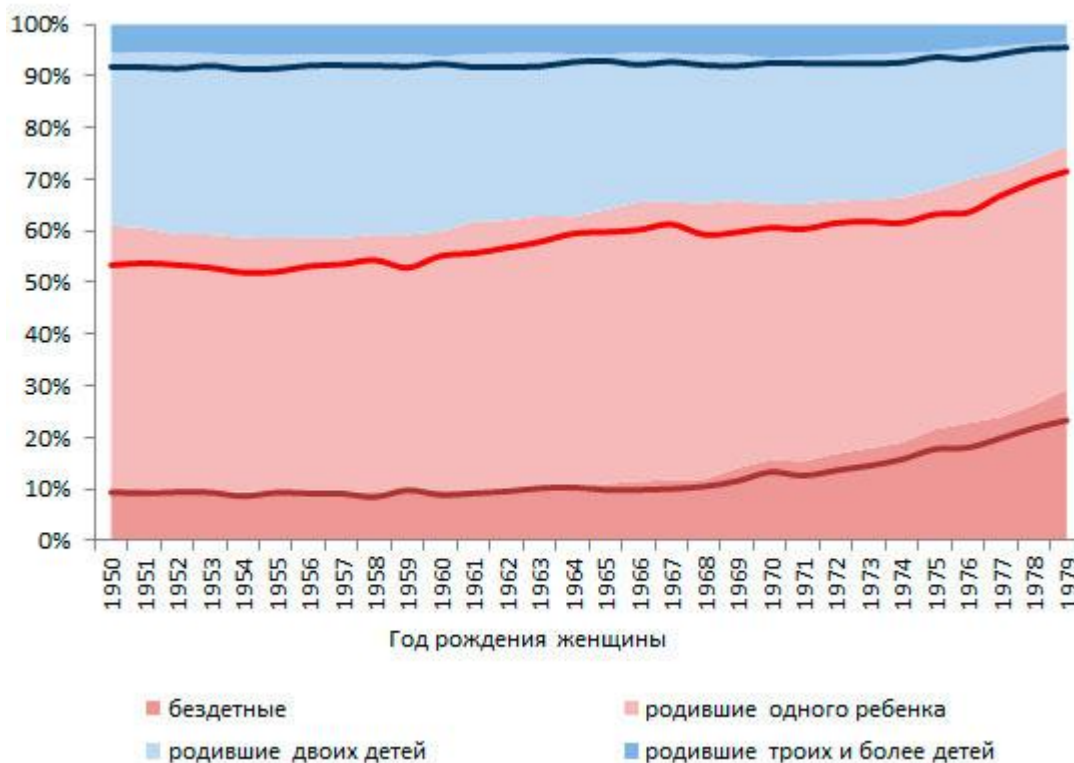

Рисунок 13. Распределение женщин по числу рожденных детей по поколениям, родившиеся и непрерывно проживающие в Москве (заливка), приехавшие (линии), %

Источник: расчеты авторов на микроданных Всероссийской переписи населения 2010 г.

В какой мере приезжие обеспечили естественный прирост населения столицы? Оценим это на примере одного поколения женщин — тех, кто сейчас подходит к концу своих репродуктивных лет. Эта когорта — 1970-1979-х годов рождения — весьма интересна. Она первой в России начала откладывать рождение детей, была на пике своей активности во время кардинальных социальных преобразований 1990-х годов, и в частности, ее представители массово переезжали в экономические благополучные регионы.

Сейчас в Москве проживает около 800 тысяч женщин, родившихся между 1970 и 1979 годами, из них коренных москвичек — чуть более 500 тысяч. Межрегиональные «безвозвратные» мигрантки в этой группе играют ведущую роль. Из всех стран СНГ в столицу приехало примерно столько же женщин, сколько из одного Центрального федерального округа — и то без учета Московской области (по 23% от числа приехавших). Московская область еще до территориальных изменений 2012 года отдала Москве 50 тысяч женщин поколения 1970-х годов (17% приехавших). Четвертое место в списке доноров населения для Москвы держит Приволжский округ (12%), остальные 6 округов суммарно вносят оставшуюся четверть. Последняя перепись насчитала у нашего поколения московских женщин 950 тысяч детей (она недоучла младенцев, поэтому щедро округлим до миллиона). Из миллиона этих детей коренными москвичками рождено 600 тысяч

человек, а остальные 400 тысяч — это дети приезжих, но не все из них живут в столице. Большинство детей появилось на свет уже в Москве, кого-то женщины привезли с собой, а кто-то остался в регионе выбытия. На основании переписи мы можем получить оценки только по первым детям: среди них менее 40% родилось до переезда матери в Москву. Исходя из этого и из структуры детности, можно дать следующие грубые оценки: около 100 тысяч детей внутренних мигранток так или иначе осталось за пределами столицы, а 300 тысяч детей новых москвичек дополнили ее ряды.

Нет оснований полагать, что в молодых поколениях оценки пропорций детей коренных и новых москвичек значительно изменятся. Скорее наоборот — бум строительства в ближнем Подмосковье и изменение границ города требует в дальнейшем брать в расчет «большую Москву». В ней вес нового населения будет еще выше. По результатам социологических опросов приезжие отличаются более высокими репродуктивными установками, они чаще хотят иметь двоих-троих детей. Тем не менее, среднее итоговое число детей у них немногим выше, чем у коренных москвичек — это всего 1,4 и 1,3 ребенка соответственно (в поколении 1960-1969 годов рождения).

Заключение

Регионы России различаются между собой по демографическому развитию. Варьируют возрастная структура населения, задающая рамки для формирования новых поколений, интенсивность и календарь деторождения. При анализе регионального разнообразия рождаемости нельзя оставлять в стороне и миграционные процессы, так как они сказываются на каждом из этих параметров. Анализ подобного рода осложняется необходимостью детального исследования контекста каждого региона и каждого периода современной российской истории. В настоящей работе мы попытались приблизиться к ответу на вопрос о том, как влияют миграционные потоки на перераспределение числа рождений на региональном уровне.

Результаты, полученные на основе анализа данных переписи, еще раз подтверждают, что вопросы влияния миграции на рождаемость — как на индивидуальном уровне, так и с точки зрения анализа макроэкономических показателей — это очень важная и одновременно очень малоисследованная на российских данных тема. В этой работе мы показали, что если оценивать влияние внутренней миграции на рождаемость с точки зрения итоговых показателей, то основная часть регионов оказывается в результате «в выигрыше»: итоговые числа рождений в расчете на одну женщину в регионах были бы ниже, останься все женщины в местах своего рождения (и роди они всех тех же детей на месте).

Если мы спускаемся на индивидуальный уровень и смотрим, как сам факт переезда повлиял на достигнутый женщиной уровень рождаемости, мы видим, что самые низкие показатели свойственны оседлому населению — женщинам, прожившим всю жизнь в месте рождения. Большое влияние на этот результат оказывают структурные эффекты — различия между репродуктивной и миграционной интенсивностью в городской и сельской местностях. Однако он может быть связан и с тем, что переезд, хоть и сопровождается стрессом и требует адаптационного периода, все же приводит к росту благосостояния женщины и улучшает ее матримониальные возможности, а сочетание этих двух факторов позволяет ей в конечном итоге в большей степени реализовать репродуктивные установки.

Вклад внутренней миграции в дифференциацию рождаемости по регионам в терминах итоговых показателей невелик, другое дело — в терминах текущего учета. В результате внутренних перемещений в выигрыше оказывается большее число регионов. Несбалансированность миграционных потоков приводит к высокому приросту числа рождений в мощных центрах притяжения населения, которых на территории страны не так много. Среди них оказываются, в первую очередь, Москва и ее область, Санкт-Петербург и Ленинградская область. Эти субъекты несут в каком-то смысле неожиданную, непредвиденную нагрузку на свою детскую

инфраструктуру. Вместе с тем регионы-доноры сталкиваются с ускорением процессов старения населения.

* - Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 году (ТЗ-36) и государственного задания ИнСАП РАНХиГС на 2015 год.

[1] Тынди́к Алла Олеговна — к.э.н., ведущий научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС.

[2] Бирюкова Светлана Сергеевна — к.э.н., старший научный сотрудник Центра анализа доходов и уровня жизни НИУ ВШЭ.

[3] С полной версией можно ознакомиться по адресу <http://mneti.org/Question/16>

[4] Uhlenberg P. 2013. Demography Is Not Destiny: The Challenges and Opportunities of Global Population Aging // Generations. Т. 37. № 1. С. 12–18

[5] Сobotка Т., Лутц В. Коэффициент суммарной рождаемости дает политикам дезориентирующие сигналы: не следует ли отказаться от использования этого показателя? // Экономический Журнал Высшей Школы Экономики, 2011. Т. 15. № 4.

[6] Распределение неполных записей о рождениях произведено в соответствии с методикой Е.М. Андреева (Human fertility database documentation, <http://www.humanfertility.org/Docs/RUS/RUScom.pdf>), «15» включает в себя рождаемость в возрасте 15 лет и меньше.

[7] Малева Т.М., Тынди́к А.О. 2014. Ловушка низкой рождаемости в Москве: высокообразованные бездетные? // Журнал «Регион: Экономика и Социология». Т. 2; Biryukova S.S., Tyndik A.O. 2015. Prevalence and determinants of childlessness in Russia and Moscow. – Genus. – Vol. 71. – №. 1. – С. 1-22

[8] Захаров С.В., Сурков С.В. 2009. Миграция и рождаемость в России. Статья вторая / Демоскоп weekly, №401-402.

[9] Из числа ответивших на вопросы о годе наступления каждого из этих событий (последний переезд, рождение первенца).

[10] См., например, Blau F. D. 1992. The fertility of immigrant women: Evidence from high-fertility source countries // Immigration and the workforce: Economic consequences for the United States and source areas. – University of Chicago Press. – С. 93-134; Cygan-Rehm K. 2011. Between here and there: immigrant fertility patterns in Germany. – BGPE Discussion Paper. – №. 109; Dubuc S. 2012. Immigration to the UK from High Fertility Countries: Intergenerational Adaptation and Fertility Convergence // Population and Development Review. – Т. 38. – №. 2. – P. 353-368.

[11] Захаров С.В., Сурков С.В. 2009. Миграция и рождаемость в России. Статья вторая / Демоскоп weekly, №401-402; Milewski N. 2009. Fertility of immigrants: A two-generational approach in Germany. – Springer Science & Business Media; Mussino E., Strozza S. 2012. The fertility of immigrants after arrival: The Italian case. – Demographic Research. – Vol. 26. – P. 99-130.

[12] Имеются сведения о возрасте рождения первого ребенка, но в рамках настоящей работы мы их не анализируем.

[13] Поскольку фактически перепись фиксирует только две временные точки: момент рождения и момент проведения опроса — мы не можем с уверенностью утверждать, что все женщины будут

распределены между двумя этими группами верно. Некоторые из них, совершив один или несколько переездов в течение своей жизни, могли к моменту проведения переписи вернуться в место своего рождения. Другие могли совершать переезды внутри региона проживания, и их передвижения также ускользнут от нас, поскольку в этих вопросах мы имеем дело с агрегированными до уровня субъекта РФ территориями (отметим, что данные позволяют выделить тех, кто, родившись в том же регионе, проживает не по месту рождения; на данном этапе работы мы этого не делали). Также стоит указать, что в методологических пояснениях к переписи указано, что административно-территориальные изменения, произошедшие после рождения респондентов, при ее проведении не учитывались. Иными словами, при анализе собранных данных мы не сталкиваемся с проблемами из-за изменений границ регионов.

[14] Мы понимаем, что большая часть попавших в рассмотрение женщин могли совершить и, вероятно, совершили свой переезд еще до распада Советского Союза или же сразу после этого события. По этой причине формально они не должны считаться международными мигрантами. Однако в рамках этой работы мы не привлекаем сведений о национальности и считаем, что, с учетом различий в уровнях и структуре рождаемости российских женщин и женщин из стран СНГ, целесообразно выделять их как международных мигрантов. Возможно, в будущем в анализ будет включена информация о национальной принадлежности женщин, и мы сможем выработать иные, более корректные принципы группировки.

[15] Hugo G. 1993. Migrant Women in Developing Countries // In Department of Economic and Social Information and Policy Analysis, Internal Migration of Women in Developing 33 Countries: Proceedings of the United Nations Expert Meeting on the Feminization of Internal Migration. New York: United Nations.

[16] Inkpen I. 2014. The Modern Migrant Mother: Internal Migration? Stalled Fertility? And Proximate Determinants in Benin // In Population Association of America Annual Meeting Program. Boston, MA, May 1-3 2014.

[17] Захаров С.В., Сурков С.В. 2009. Миграция и рождаемость в России. Статья вторая / Демоскоп weekly, №401-402.

[18] Захаров С.В., Сурков С.В. 2009. Миграция и рождаемость в России. Статья вторая / Демоскоп weekly, №401-402.